

Говорят, что русские — народ настолько суровый, что из всех времен года более всего предпочитают зиму. И то сказать, грязь — известная спутница дорог в их богоспасаемом отечестве — замерзла, мошкара не летает, на улицах чисто от свежевыпавшего снега, и под его покровом незаметна неустроенность их быта. Сами они люди грубые и к морозу совершенно нечувствительные, а богатые шубы носят с единственной целью — показать свое богатство.

Вот только кто так говорит, никогда не ютился в продуваемом всеми ветрами бараке на окраине Петербурга, не кутался, идя на работу, в тонкую кацавейку на рыбьем меху, не сходил с ума в раздумьях, как потратить свои невеликие средства. Купить ли у бородатых возчиков телегу дров, а потом кусать локти в тепле, оставшись без хлеба, или же грызть промерзшую корочку, кутаясь в разное тряпье возле давно остывшей печи.

Впрочем, у Стеши Филипповой дела обстояли еще не так плохо. Слава богу, не стала она продавать свой домик в рабочей слободке, оставшийся ей от покойного батюшки. А ведь приходили люди. Деньги, вправду сказать, предлагали невеликие, особенно в ее тогдашнем положении...

Было дело, спала на мягкой постели, одевалась как настоящая барышня, ела каждый день то, что нынешние ее соседи не на всякий праздник видели. Работа, правда, не сказать, чтобы легкая была, но где вы ее видели легкую-то?

Хотя работа никуда не делась, спасибо господину Барановскому. Барин он добрый, к тому же обещал своему компаньону, что будет за нею присматривать. И хотя, когда слово давал, никто и представить не мог, что все так обернется... но не отступился, помог. Звал даже к себе жить, благо квартира у него большая, да только не захотела Степанида в приживалки идти.

Дома у нее, слава богу, тепло. Опять же спасибо Владимиру Степановичу. Заехал посмотреть, как она устроилась на прежнем месте, все как есть оглядел, слова худого не сказал, а на утро фабричный возчик Ерема Хватов выгрузил у ее двора целую телегу дров, причем уже поколотых.

— Ну что, идем? — появился на пороге Семен.

Вот уже и он — Семен, хотя сколько ему годов-то? Был соседский мальчишка, сопливый да чумазый, которого все в шутку звали Стешиным женишком, а теперь вытянулся, окреп и даже говорить старался степенно, как взрослый. Еще бы голос не ломался, сбиваясь с юношеского баска на дискант, так и впрямь жених!

Степанида, впрочем, росла девушкой серьезной и о таких пустяках вовсе и не думала, не говоря уж о том, что четырнадцатилетний Семка для нее был как младший брат. Вот и теперь она первым делом проявила заботу.

— Мой руки и садись завтракать!

— Я не голодный, — сделал слабую попытку отказать парень.

— Ничего не знаю! — строго сказала девушка, и тому пришлось повиноваться.

В будние дни они перекусывали прямо на фабрике, где ее хозяин, Дмитрий Николаевич Будищев, распорядился завести небольшую кухню и кормить своих юных рабочих. Готовила там прежде Стеша. Впрочем, обязанность эта была совсем необременительной. Уче-

ники сами растапливали печь, таскали воду и мыли после еды котелок, и без того выскобленный вечно голодными мальчишками до зеркального блеска. Так что на долю девушки оставались только готовка да закупка продуктов.

На обед все работники, как одна большая семья, собирались за общим столом. Семка, важный от осознания доверенного ему дела, резал хлеб и наделял каждого порцией. Ели из общей миски, по очереди черпая каждый своей ложкой, строго следя, чтобы всем досталось поровну.

Барановский, бывший совладельцем фабрики и управлявший ею в отсутствие компаньона, в целом эту практику одобрил, но счел, что у девушки довольно и своей работы, а потому озаботился нанять кухарку.

Но сегодня было воскресенье и на работу, точнее службу, идти не надо. Зато надо идти в воскресную школу, потому как неграмотный гальванер — хуже обезьяны с гранатой. Никогда не угадаешь, что он вычудит. Так частенько говаривал сам Будищев, который почти два года назад стал наставником Семену, а ей заменил отца.

Человеком Дмитрий Николаевич был непростым. Нельзя сказать, чтобы добрым, но вместе с тем и не злым. Геройски воевал с турками в последнюю войну*, на которой и заслужил полный георгиевский бант. Неизвестно где учился, а знал и умел так много, что иные профессора диву давались, но писал при этом с ошибками. В паспорте его было записано, что родом из крестьян Ярославской губернии, но водил знакомства с аристократами.

Только это все в прошлом, поскольку уже в Питере Будищев перешел в мещанское сословие и открыл

* Имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878 годов.

мастерскую, которая вскоре разрослась до небольшой фабрики, которую он держал на паях с братьями Барановскими. Потом поступил на флот, чтобы выйти в офицеры, только воевать почему-то отправился в пески Закаспийского края. Стеша узнавала, море там хоть и близко, а все же по пустыне на корабле не поплаваешь... или правильно — походишь?

— Вкусно! — шумно выдохнул Семка, прихлебывая из блюдца горячий чай и заедая его бубликом.

По меркам их слободки, настоящий чай был роскошью. Простые люди и морковный не каждый день видели, а тут китайская травка*, заваренная в маленьком медном чайнике. К тому же, что надо сделать, чтобы просто попить чаю? Наколоть щепы, растопить самовар и... получить целое ведро кипятка! А тут немного пошумела маленькая машинка с чудным названием «примус» — и вот вам пожалуйста. Примус, кстати, тоже Дмитрий изобрел. Теперь их на фабрике господ Барановских делают, и расходятся они как горячие пирожки в базарный день.

— То-то, что вкусно, — усмехнулась девушка и тут же перевела разговор на другую тему: — Сказывают, Прохор опять за тобой гонялся?

— Пусть гоняется, — беспечно отмахнулся мальчишка.

— Гляди, как бы беды не случилось, — озабоченно покачала головой Стеша, но у юного «женишка» имелось на этот счет свое мнение.

Прохор был здоровым мужиком лет примерно двадцати пяти от роду. Служил приказчиком в мелочной лавке и считался по здешним местам первым парнем в рабочей слободке, или, иначе говоря, бабником. И то

* Автор в курсе, что чай — куст, но так его тогда называли — «китайская травка».

сказать, мужчина он был видный. Косая сажень в плечах, смазливая физиономия и густой чуб из-под лакового козырька картуза смутили покой множества девичьих сердец и лишили сна их обладательниц. Опять же, при деньгах. Мог и красивый платок подарить, и пряниками угостить, и вообще... Жениться он, правда, намерения не имел, но понимание этого факта приходило к местным красавицам обычно слишком поздно.

Прочим парням это, разумеется, не сильно нравилось, но приказчик, во-первых, был силен как черт, а во-вторых, обычно ходил не иначе как вместе с целой толпой прихлебателей. И так уж получилось, что единственным рискнувшим бросить ему вызов оказался Семен.

Это случилось, когда Стеша только вернулась к себе в слободку. Необычная девушка, коротко, но при этом неожиданно красиво стриженная, да еще и одетая, как настоящая барышня, сразу привлекла к себе внимание местного Казановы. Здравомысленно рассудив, что раз она вернулась к себе из богатой квартиры, значит, господу ею уже попользовались и выставили вон — стало быть, и ему можно. Ну а что, дело-то житейское! Уверенный в собственной неотразимости приказчик не стал тратить время зря и на первых же посиделках подкатился к ней с пряниками.

— Скушайте, Степанида Акимовна, не побрезгуйте. А то вон как отощали на господских харчах.

Толпившиеся за его спиной дружки тут же заржали, будто стоялые жеребцы, но Стешу было трудно смутить подобными глупостями.

— Благодарствую, Прохор Кузьмич, за угощение, — кротко улыбнулась она. — Только я на ночь не ем. Боюсь, растолстею, как вы, и в дверь проходить перестану.

Никак не ожидавший подобного ответа приказчик осекся и машинально потер ушибленную незадолго до

того о низкую притолоку голову, под залиvistый девичий смех подружек его несостоявшейся жертвы. Впрочем, отступить было не в его правилах, и когда начались танцы, он несколько раз прошелся гоголем мимо лихо отплясывающих девушек, гулко топая при этом начищенными до нестерпимого блеску сапогами. Увы, и это не помогло. Коварная девица и не подумала проникнуться оказанной ей честью, а выбив каблучками дробь, неожиданно запела:

У Финляндского вокзала
Я милёночку сказала:
Облысел ты, не дорос,
Полезай на паровоз!*

Многочисленные слушатели поначалу остолбенели, а потом, глядя на вытянувшееся лицо кавалера, едва не закисло от смеха. Надо сказать, что «частушки» еще не успели завоевать популярность в народе. До сих пор в Питере их пели только перебравшиеся с берегов Волги вчерашние крестьяне, а местные поначалу воротили нос. Сама Стеша их слышала прежде только от сослуживца Будищева — Феди Шматова. Да и сам Дмитрий иногда выдавал нечто стихотворное, в особенности если подвыпил или думал, что его никто не слышит, потому как звучали они на редкость неприлично.

Пропев еще несколько подобных куплетов и вконец оконфузив чрезмерно настойчивого ухажера, девушка вернулась на место и больше не плясала. Она вообще не хотела идти на гулянку, да подружки уговорили. Чего, мол, сидишь дома, как клуша? Так вся молодость и пройдет! Вот и сходила...

Пришло время отправляться по домам. Одни разбились на пары, желая еще хоть немножечко побыть

* Из сборника питерских частушек Льва Вайсфельда и Натальи Резник.

вдвоем, другие возвращались домой компаниями, продолжая перешучиваться и смеяться. Степанида была из последних, но как-то так получилось, что товарок ее оттерли в сторону и девушка осталась одна. А стоило повернуть за угол, как перед ней оказался разгоряченный и злой приказчик.

— Чего кобенишься? — тяжело дыша, спросил «поклонник», обдав предмет своей страсти «ароматом» сивухи.

— Отстань, не то закричу! — с трудом сохраняя спокойствие, заявила Стеша.

— Валяй! — осклабился парень, а потом резко кинулся на нее, как коршун на добычу, и попытался схватить.

В первый раз девушке удалось вывернуться и броситься бежать, но разве от такого сбежишь? Оказавшийся неожиданно резвым приказчик в три прыжка настиг ее. Прижав свою жертву к забору, он принялся грубо хватать ее руками, пытаясь забраться под нарядную шубку, затем попытался поцеловать, но лишь обслюнявил толстыми губами щеку. В этот момент отчаянно извивавшейся девушке удалось-таки залепить ему кулачком в глаз и лягнуть по колену ногой.

— Ах ты, дрянь! — рассвирепел обманутый в своих ожиданиях приказчик и ударил в ответ.

Дыхание Стеша сразу сбилось, ноги стали подкашиваться, в глазах потемнело, и одному богу известно, чем бы все это кончилось, если бы не Семка!

Хотя по малолетству ему еще не полагалось посещать посиделки, но оставить «невестушку» без присмотра он не мог. Тайком пробравшись в сени, мальчишка весь вечер просидел там тихо, как мышь. Один раз даже чуть не задремал, но, слава богу, начались танцы, а под топот пляшущих разве уснешь? Когда же гулянка закончилась, Семен так же незаметно выскользнул наружу и дожидался Степаниду там.

Увидев, какое непотребство творит совершенно потерявший рассудок приказчик, парень, ни секунды не раздумывая, бросился в драку. Конечно, справиться с таким бугаем, как Прохор, четырнадцатилетнему подростку было не под силу, но Будищев в свое время успел его кое-чему научить.

Оторвав от ближайшего забора расколовшуюся штакетину, мальчишка не раздумывая ткнул острым концом под колено негодяю. Такой подлости Прошка никак не ожидал и, неожиданно тонко по-бабьи взвизгнув, отпустил свою жертву. Воспользовавшись этим, Семка подхватил Стешу за руку и бросился бежать, увлекая ее за собой.

— Сука! Подстилка барская! — орал им вслед оскорбленный в лучших чувствах ценитель «большой и светлой любви», но было поздно.

Любвеобильный приказчик с той поры затаил злобу, но Степанида более по гулянкам не ходила и нигде ему не попадалась. Вломиться к ней в дом он тоже не решился, за такое можно и в участок загреть. Оставался только Семен, но такого юркого мальчишку еще попробуй поймай! Пришлось просить о помощи прихлебателей, но те неожиданно отказали.

— Извиняй, Проша, — смотря в сторону, отвечали дружки, — но Митька Будищев за этого мальчика два года назад цельного мастера в больницу отправил, и ничего ему за это не сотворилось. Виданное ли дело, даже из полиции без побоев отпустили, даром, что он тогда еще просто мастеровым был. Ей-богу, ты бы угомонился, пока лиха не приключилось.

— Ладно! — скрипнул зубами Прохор, и не подумав успокаиваться.

С тех пор он несколько раз пытался поймать и избить мальчишку сам, но пока без особого успеха.

— Ну что, поел? — ласково улыбаясь, поинтересовалась девушка.

— Ага, — отозвался тот, отодвигая от себя пустой стакан в красивом подстаканнике. — Пойдем?

— Остынь немного, — остановила торопыгу Стеша. — Не то простудишься на морозе.

— Нет, я закаленный! — горделиво заявил Семка, но спорить не стал и послушно высидел еще пару минут, а потом они оделись и вышли.

Утро выдалось морозным и, наверное, его можно было даже назвать свежим. Где-нибудь за городом или ближе к центру, потому что в рабочей слободке снег был почти полностью покрыт сажей, вылетевшей из заводских труб. Но все же безоблачное небо и начинавшее пригревать солнышко настраивали на праздничный лад. Взявшись за руки, они направились было в воскресную школу, как вдруг на их улочке появились сани извозчика.

Событие это было, прямо скажем, неординарным. Местные себе такого позволить не могли, а чужие к ним не заезжали. В последний раз здесь на своем экипаже появлялся Барановский, но он все же здешний фабрикант, его все знали, а теперь залетный лихач явно вез кого-то чужого.

— Интересно, кто это? — заинтересовался Семен.

— Не знаю, — покачала головой девушка, но сердце ее при этом быстро-быстро забилося от какого-то предчувствия.

Между тем ладная кобылка гнедой масти, презрительно фыркая, что ее заставили тащиться в эдакое захолустье, поравнялась с ними.

— Тпру! — подал голос возница и, обернувшись к седоку, почтительно спросил: — Вам точно сюда, ваше благородие?

— Сюда-сюда, — криво усмехнулся черноусый офицер во флотской шинели и выскочил наружу, повелительно велел кучеру: — Жди здесь!

— Как прикажете, — пожал плечами лихач, всем своим видом показывая, что за такие деньги его пассажир может даже с моста в прорубь прыгнуть, уж он-то перечить не станет.

— Ну что застыли? — обратился моряк к застывшей парочке. — Или не узнали?

— Митька! — восторженно завопил мальчишка и, бросившись навстречу Будищеву, повис у него на шее.

Девушка реагировала чуть более сдержанно, но потом не выдержала и тоже кинулась обнимать Дмитрия.

— Тише вы, — счастливо смеялся тот, — завалите еще.

— Как хорошо, что ты приехал! — радовались Семен со Стешей.

— Я ненадолго, — сразу же предупредил Будищев немного виноватым тоном.

— Но почему?!

— Дела. Надо батарею до Кронштадта доставить, кучу отчетов сдать и вообще...

— Значит, не останешься?

— И рад бы, да не могу. Мои матросы сейчас на станции кукуют, ждут отправки, а я к вам рванул.

— И когда теперь приедешь?

— Как только освобожусь. Думаю, через неделю, максимум полторы. Тогда и гостинцы раздам.

— Почему ты не писал?

— Так получилось. Дел много, война кругом.

— Федя вот находил время, — со значением в голосе заметила девушка. — Кстати, а где он?

— Скоро будет, — отозвался Будищев и поспешил перевести разговор на другую тему: — Вы куда такие красивые направлялись?

- В воскресную школу.
 - Это дело богоугодное. Но после нее еще кое-куда сходите. Хорошо?
 - Да я сейчас сбегаю, — загорелся мальчишка.
 - Сказано тебе, после школы! — строго прервал его наставник и, лишь убедившись, что Семка проникся, продолжил: — Значит так. Первым делом отнесете вот этот конверт Барановскому Владимиру Степановичу. Отдать лично в руки, ясно?
 - Ага.
 - Ни прислуге, ни жене, ни брату или теще, а только ему!
 - Да понял я!
 - Надеюсь, — вздохнул Дмитрий, после чего внимательно посмотрел на них и со вздохом спросил: — Сами-то как?
 - Хорошо.
 - Вот вам немножко денег... бери, говорю, и не спорь со старшими!
 - Я тебе рассказать хотел... — сунулся было Семка.
 - Потом. Все потом, дружище. А теперь мне пора, пока мои орлы ничего не натворили...
 - Скорее возвращайся.
 - Всенепременно! Вот разгребусь с делами и к вам...
 - Мы будем ждать.
- Дмитрий немного помялся, но потом все же решился и спросил:
- Где Геся, знаете?
 - В Петропавловке. К ней никого не пускают, передачи не принимают.
 - Вот как?
 - Ага. Владимир Степанович нанял адвоката, но тот нам ничего не говорит.